

смертіе челоѣка или безсмертіе души. Оттого въ одной одѣ очутились двѣ оды, несвязанныя внутреннимъ единствомъ, перебитыя и переиѣшанныя одна съ другой. И что же? Тѣ строфы этой оды, въ которыхъ проблескиваетъ первая идея, столько исполнены поэзіи и мысли, сколько строфы, выражающія вторую мысль, прозаичны и поверхностны. Говоря о прекрасныхъ мѣстахъ оды «Безсмертіе Души», нельзя не указать на 8, 17, 18 и 19 строфы.

Зато нѣкоторые изъ одъ духовнаго и нравственнаго содержанія поражаютъ невообразимыми странностями. Кто бы, напримеръ, подумалъ, что вотъ эти стихи—Державина, а не Тредьяковскаго:

Какъ птица въ мглѣ унывна,
Оставлена на здѣ (на кровлѣ),
Иль схохленна, пустынна
Сидяща на гнѣздѣ.
Въ нощи, въ лѣсу, въ тущобѣ,
Люю стenanъемъ гуль.

А между тѣмъ это дѣйствительно стихи Державина изъ оды «Сѣтованье», начинающейся стихами:

Услышь, Творецъ, моленье
И вошь моей души!

Но огромная поэма, а не ода «Цѣленіе Саула» представляетъ собой примѣръ особенной нестройности. Она состоитъ болѣе, чѣмъ изъ 400 стиховъ, которые всѣ въ родѣ слѣдующихъ:

Внимаетъ пѣснь монархъ: но сила зву-
ковъ, словъ
Такъ отъ него скользятъ, какъ лучъ отъ
холма льдяна;
Свѣдаетъ грусть его, мысль черная, не-
чальна,
Пѣвецъ то зрить—и взявъ другихъ строй
голосовъ,
Поетъ ужъ хоромъ всѣмъ, но сонно, по-
лутонно,
Смятенью тартара, душъ смятенной сходно.

И кто бы могъ думать, чтобъ за такими стихами слѣдовали вотъ какіе:

На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тѣмѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ, подъ зародышемъ
вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣз-
дился.
Огнь, земля и вода, и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой, внутрь и внѣ, безпрестанно
сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли
въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ
прорывались;
Громъ на громъ въ вышины, гуль на гуль
въ глубинѣ,
Какъ катясь, какъ вратясь, даль и близъ
оглушала;
Вездны безднѣ, хляби хлябъ, колебавъ въ
тишинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ
представляли.

Впрочемъ, эти стихи, прекрасные и сильные, несмотря на свою грубую отдѣлку, суть единственный оазисъ въ песчаной пустынѣ этой поэмы.

Ода «Богъ» считалась лучшей не только изъ одъ духовнаго и нравственнаго содержанія, но и вообще лучшей изъ всѣхъ одъ Державина. Самъ поэтъ былъ такого же мнѣнія. Какимъ мистическимъ уваженіемъ пользовалась въ старину эта ода, можетъ служить доказательствомъ нелѣпая сказка, которую каждый изъ насъ слышалъ въ дѣтствѣ, будто ода «Богъ» переведена даже на китайскій языкъ и, вышитая шелками на питѣ, поставлена надъ кроватью богдыхана. И дѣйствительно, это одна изъ замѣчательнѣйшихъ одъ Державина, хотя у него есть много одъ и высшаго сравнительно съ ней достоинства.

Изъ одъ Державина нравственно-философскаго содержанія особенно замѣчательны сатирическія оды—«Вельможа» и «На счастье». При разсматриваніи первой должно забыть эстетическія требованія нашего времени и смотрѣть на нее, какъ на произведеніе своего времени: тогда эта ода будетъ прекраснымъ произведеніемъ, несмотря на ея риторическіе приемы. Первые восемь строфъ просто превосходны, особенно вотъ эти:

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь плѣняетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красоть не опускаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы безъ благодати душевной
Не всѣ ль, вельможи, таковы?
Не перлы перскіе на васъ
И не бразильскія звѣзды—ясны:
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны,—
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула, твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла!

Осетъ всегда останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами:
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О, тщетно счастья рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядить въ господина,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ сопостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я Чупатовъ
Въ мароккскихъ лентяхъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
Влесталъ величествомъ въ работъ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ,